

АЛЕКСЕЙ ТАРХАНОВ

даниэль риедо:

мы с марком хотели сделать новый atmos

Глава Jaeger-LeCoultre рассказал о работе с Марком Ньюсоном

— Почему вы снова обратились к Марку Ньюсону?

— Он наш давний союзник. Мы уже сделали с ним почти десять лет назад уникальные часы с календарем в футляре из стекла Vassarat. Это была прекрасная, но весьма и весьма дорогостоящая вещь. На сей раз мы с Марком хотели сделать новые Atmos, не лимитированные и более доступные

по цене. Мы пытались достичь 10–12 тыс. франков. Скажу вам сразу, не все получилось, но не по нашей вине. Марк создал великолепный дизайн, но не нашлось ни одного производителя стекла, который взялся бы изготовить корпус, настолько точной и ответственной была работа.

— И вы снова вернулись к Vassarat?

— Да, мы с Марком пытались найти выход. Мы потратили примерно три года, но так и не добились удовлетворительного результата от поставщи-

ков стекла. У Jaeger-LeCoultre был такой же опыт с часами для Hermes. И там мы тоже использовали хрусталь, сделанный, правда, на гермесовских фабриках Cristallerie Saint-Louis.

— Когда же появятся часы в стекле, а не в хрустале?

— Не раньше, чем вырастет новое поколение мастеров, которые снова смогут создавать не массовые, а уникальные объекты из стекла. Надеюсь, нам не придется ждать слишком долго.

марк ньюсон:

я встретился с иконой, с культовым предметом и с великой маркой

Дизайнер Марк Ньюсон рассказал о работе с Jaeger-LeCoultre

— Вы делали мебель, реактивные самолеты, велосипеды, часы.

Что из этого вам больше нравится?

— Когда меня просят выбрать какой-то один объект, дизайном которого мне больше всего нравится заниматься, я называю часы. Это действительно так. Свой первый проект часов я сделал в десять лет. Мой дядя подарил мне тогда первые в моей жизни наручные часы, и к ужасу родных я тут же их разломал, точнее, разобрал. Но не для того, чтобы посмотреть, что

у них внутри, а чтобы придумать им новый корпус. Позже у меня появился некоторый опыт — я создал собственную часовую компанию, правда, не очень успешную. Но это как раз доказывает, что часы для меня нечто особенное. Никаких других компаний — ни мебельных, ни самолетных — я не создавал.

— Почему вы выбрали Jaeger-LeCoultre? И почему они выбрали вас?

— Это началось десять лет назад. Я с детства знал Atmos и восхищался этими часами. Конечно, это в первую очередь часы, а значит, они про

время. Но это и вечный объект тоже! Он был и останется Atmos, что бы я ни сделал с ним. И надо сказать, что именно в этом я черпаю вдохновение. В том, что механизм этих часов был придуман в 1920-х годах прошлого века и до сих не устарел. Наоборот, он стал еще более уместным, нешумным, экологичным, не требующим энергии.

— Вы получили точный заказ или разрабатывали задание вместе с Jaeger-LeCoultre?

— Я встретился с иконой, с культовым предметом и с великой маркой. Работать с Jaeger-LeCoultre — значит

работать не просто с брендом, а с эпическим объектом, который известен почти сто лет. И тебе надо привнести что-то свое, свои дизайнерские идеи таким образом, чтобы сохранить особенность этого объекта. Вот Atmos. Он был таким всегда. И тебе надо сделать так, чтобы человек с 50 метров мог его узнать. За десять лет сотрудничества это мои третьи часы Atmos. И первые, которые выйдут нелIMITированной серией. Это, конечно, не означает, что таких часов будет много, ведь, в конце концов, Atmos — необычайно сложный объект.

— Его цена соответствует его сложности?

— Это предмет роскоши, конечно, но у меня есть свое представление о том, что такое роскошь, и оно не связано с материалами. Atmos, безусловно, дорогой объект. Не каждый сможет иметь его. Тем не менее я очень рад, что принимал участие в его создании. Сейчас очень много «вечных» объектов исчезают или превращаются во что-то другое. И то, что существуют и будут существовать такие, как Atmos, меня успокаивает и радует.

Беседовали Николай Zubov, Алексей Тарханов